

УДК 1 (091)

Проблема человека в философии Ф.А. Степуна

Н.А. Вознюк

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. Статья посвящена специфичной для русских мыслителей XX века антропологической теме, в которой содержатся моменты, особенно характерные для русской философии и отличающие ее от западных вариантов. Сущность человека и его положения в мире раскрывается в статье путем анализа трудов одного из представителей русской философии Ф.А. Степуна.

Abstract. The paper is devoted to anthropological ideas specific for Russian philosophy. Analyzing the works of one of the representatives of Russian philosophy F.A. Stepun, the essence and the position of the man in the world has been revealed.

Ключевые слова: Ф.А. Степун, русская философия, нравственность, человек, Абсолют, этика, революция, церковь, право, антропология, субъект, объект, личность, творчество, культура, Бог, жизнь, любовь

Key-words: F.A. Stepun, Russian philosophy, morality, human, the Absolute, ethics, revolution, the church, law, anthropology, subject, object, personality, creative work, culture, God, life, love

1. Введение

Начиная говорить о русской философии, каждый из нас имеет в виду некое конкретное ее проявление. В качестве представителя русской философии рассмотрим центральную фигуру статьи – фигуру Федора Августовича Степуна, однако вносимая им новизна является результатом диалога с предшественниками и современниками. Но любая новизна может быть оспорена, а то и просто отодвинута на периферию философского интереса, и ее прежнее первое место будет занято другой новизной.

Вообще в истории философии главным является не результат, а движение к нему, осуществляемое в форме диалога. Например, Платон, Фихте, Бердяев и иные важны для философии как моменты ее движения, и только потом – как результаты. История философии – это многоголосица суждений относительно чего-то главного, того, что задает ей целостность некоего драматического действия.

Одной из наиболее характерных черт русской философии, отмечающих ее своеобразие как оригинальной национальной философской школы, являлось особое внимание к проблеме человека, поставленной в самой резкой, метафизической форме. В.В. Зеньковский, например, писал: "Если уже нужно давать какие-либо общие характеристики русской философии, то я бы на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий. Русская философия больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории" (Зеньковский, 2001). Об этом наравне со многими русскими мыслителями говорил и Ф.А. Степун.

2. Понятие Абсолюта в философском наследии Ф.А. Степуна

Решение проблемы сущности человека и его положения в мире в русской философии неизменно было связано с проблемой сущности Абсолюта. Поскольку сам Абсолют, как правило, понимался в рамках идеи всеединства, естественней будет начать именно с этой идеи, которую можно назвать одной из характерных черт практически всех русских философов, включая и Ф.А. Степуна.

Идейным центром концепции является представление об идеальном состоянии всего мира. Это состояние, в котором преодолена раздробленность мира и отчужденность его отдельных элементов друг от друга. В этом состоянии в мире воцарилась бы абсолютная гармония и цельность, наделяющая каждый его мельчайший элемент неповторимым смыслом и неповторимой красотой. По отношению к этому идеальному состоянию наличное состояние мира необходимо признать несовершенным, с одной стороны, отдалившимся от идеала, но с другой – сохранившим некоторые существенные его черты. Отсюда двойственность человека: он как то, что он есть (дан как хаос), и он как идеал (задан себе как космос).

В концепции главный и единственный источник зла и несовершенства в мире – это разделение, отчуждение отдельных элементов от мирового всеединого целого. И только за счет не вполне утраченных взаимосвязей отдельных вещей и явлений с мировым целым у них сохраняется какой-то смысл, какое-то непреходящее значение, причем степень их совершенства и осмысленности напрямую зависит от глубины их связей со всем миром, от богатства отношений со всеми окружающими явлениями и событиями.

Осознание своей неустранимой вины за зло и несовершенство мира, естественно, должно изменить отношение человека к себе самому, к той системе ценностей, которая обосновывает его жизнь, к целям его жизни и деятельности в мире. Степун полагал, что это осознание должно преобразоваться в

твердую решимость всегда и везде выступать активным противником зла, причем наиболее важной целью для человека должно стать преодоление зла и несовершенства в себе самом, чтобы затем с большим правом человек мог соучаствовать в общей борьбе с мировым злом.

3. Этические проблемы в философском наследии Ф.А. Степуна

Внимание проблеме труда и трудовой этики человека Федор Степун уделил в мемуарах "Бывшее и несбывшееся" (1956). Осмысливая прожитую жизнь, он задавался вопросом, почему его всегда преследовало неодолимое желание трудиться, даже тогда, когда, казалось, в этом не было большой необходимости? И приходил к выводу, что эту страсть он впитал буквально с молоком матери от своих предков, в частности от деда по материнской линии, настоящего кальвиниста. Поскольку русский крестьянин никогда не был и не ощущал себя полновластным хозяином на своей земле, ему так и не была привита привычка самоотверженной заботы о своем наделе. Также и "этос работы в русских поместьях привит не был" (Степун, 2000а). Отсюда недоверие крестьян к аграрной науке и внедрению новых методов возделывания земли, крестьянский труд носил стихийный характер. С еще большим недоверием крестьянство воспринимало медицину и юриспруденцию. Таким образом, очевидно, что русские крестьяне были людьми, далекими от цивилизации, но означает ли это их бескультурье?

Низкий уровень трудовой активности россиян он связывал и с политической нестабильностью, прежде всего с революцией. Он полагал, что этика, в том числе трудовая, – один из мотивов всякой общественной деятельности. Предполагаются, в частности, уважение к закону, чужой собственности, честность в партнерстве, уважение к контрактам и т.п., – что формирует определенные моральные границы развития экономики в условиях рыночной конкуренции.

Федор Августович Степун внимательно всматривался в природу отношений к труду в России "до и после революций". Этот круг проблем так или иначе затрагивался во многих его произведениях, не исключая беллетристику и мемуары. Так, уже в самом начале романа "Николай Переслегин", опубликованного еще в 1929 г. в Париже и местами напоминающего дневниковые записки самого автора, Степун устами главного героя признавался в том, что, очевидно, было присуще ему самому на протяжении всей его жизни: "Тяготеет над душой какой-то нелепый долг постоянной работы, какая-то боязнь простой, свободной жизни" (Степун, 1997). В этом, как и в некоторых других произведениях Степуна, трудовая этика гармонично переплеталась с "артистической этикой" (Степун, 2000г).

Не подлежит сомнению, что "настоящим воспитателем простого русского люда действительно была церковь" (Степун, 2000а). Поэтому среди русских крестьян можно было встретить немало людей глубоко набожных и одухотворенных, самоотверженных, лишенных, как истинные христиане, страха смерти. К матери-земле было отношение как к святыне, которая дарована людям Богом и по праву высшей справедливости должна быть роздана тем, кто на ней трудится.

Таким образом, цивилизационная несформированность у русского крестьянства компенсировалась религиозной наполненностью. Глубокие исторические корни имеет так же то, что при отсутствии четких теологических формул и догматов русские люди всегда обладали способностью органической жизни по вере.

Ф.А. Степун возлагает на Русскую Церковь определенную долю вины и за русскую революцию, ведь в православии мало развито учение о мире, об отношении церкви к государству, о социальных обязанностях власти, о правах человека и гражданина. Православная Церковь не знала идеи естественного права, на котором покоятся все права человека и гражданина. По мнению Степуна, оно копировало христианство первых веков, и было устремлено скорее вспять, чем вперед.

Истинно русское видение церкви сформулировал самый значительный, по мнению Степуна, религиозный философ А.С. Хомяков: "Для Хомякова христианство не учение, а переживаемое единство правды, любви и свободы. Церковь является не организацией, а «духовным организмом». Она также «не авторитет» (так как авторитет – это всегда что-то внешнее), а «правда»" (Степун, 2000а). Церковь видится Хомякову не как часть культуры и истории, а как их основа. Более того, вне церкви нет и человека. "Разум, совесть, творения искусства в отдельном человеке только проявляются, в действительности же они все только функции церкви" (Степун, 2000а). Ключевой для русской философии стала категория соборности Хомякова, отвергающая любой индивидуализм человека или автономно различных областей культуры.

Также очень специфично в русской философии отношение к праву. Степун характеризует его формулой: "Право – это всегда убитая справедливость" (Степун, 2000а). Известно подчеркнутое у русских милосердие к осужденным и заключенным, как к несчастным людям. В основе этого милосердия лежит убеждение в том, что в преступлении не бывает виновен только один человек, но всегда и все, его окружающие. Осужденный один несет наказание, тогда как совиновные остаются безнаказанными. Это подчеркивает и еще один представитель русской философии Ф. Достоевский во многих своих

произведениях, выявляя мотив ответственности каждого человека за все зло в мире. "До тех пор пока в мире существует воровство, убийство и разврат, никто не вправе чувствовать себя добродетельным" (Степун, 2000а). Здесь Ф. Степун соглашается с Ф. Достоевским и придерживается данной идеи.

Возможно, с этой убежденностью, что человек не вправе гордиться собственным благополучием, связано категорическое неприятие русскими писателями и мыслителями, такими, как Достоевский, Леонтьев, Толстой, Герцен, европейского филистерства, свойственного западной буржуазии мелкого самодовольства. Самая решительная отповедь филистерству звучит, конечно же, у Достоевского в "Братьях Карамазовых", когда черт является Ивану в виде мещанина в клетчатых штанах и с узелком. Именно в мещанстве, замешанном на идеях атеистического Просвещения, Достоевский видит воплощение идеи человекобожества, исполненного гордыни бунта против Бога.

Степун разделяет эту позицию. Поэтому он считает даже за благо низкую образованность русского народа, его "темноту", которые "спасли его от того полупросвещения, которое в Западной Европе встало между народом и верою, задержали процесс обездушенья жизни и расцерковления народного сознания" (Степун, 2000в).

4. Проблема творчества в философском наследии Ф.А. Степуна

В ранней статье Ф.А. Степуна "Жизнь и творчество" (1913) представлена его философская антропология, учение о человеке, смысл которого сводится к разделению людей на типы в зависимости от соотношения жизни и творчества в их душе: ценности состояния и ценности предметного положения.

Ценности состояния есть формы переживания человеком своего существования, когда "я как субъективно переживающий организую себя в том и через то, что мне в этом субъективном переживании дано как его объективное содержание" (Степун, 2000в). "Я", организованное внутри себя, осознающее себя и как субъект, и как объект собственных переживаний, равноудаленное в своей целостности от этих двух своих полюсов, есть личность – высшая ценность первого слоя. "В форме личности пустая форма моего «Я» заполняется мировым содержанием. А безличное содержание мира приобретает черты моего «Я»" (Степун, 2000в).

Здесь Федор Августович определяет "форму творческой самоорганизации человека" (Степун, 2000в; Штаммлер, 1975; Яковенко, 2003) как систему конструирования человеком собственного "Я". Именно в создании системы Степун, вслед за В. Виндельбантом и Г. Риккертом, видит задачу философии.

Степун сравнивает процесс формирования личностью самой себя с художественным творчеством, поскольку личность есть нерасторжимое единство "Я" как переживающего субъекта (формы) и переживаемого объекта (содержания), а единство формы и содержания Степун полагает определяющим свойством эстетической ценности. "В форме личности каждый человек становится художественною формой самого себя, а тем самым и творцом художественного произведения" (Степун, 2000в).

Но, в отличие от произведений искусства, каждое из которых абсолютно самодостаточно, и, как следствие, абсолютно самозамкнуто, люди способны, не утрачивая своей внутренней целостности, объединяться друг с другом, образуя другие ценности состояния. Если личность есть, по Степуну, форма организации человека, то существуют также и формы организации человечества, воплощающиеся в таких культурных благах, как любовь, семья, нация, церковь, общество. Все это Степун определяет как всего лишь разновидности судьбы, основной формы отношений и взаимодействий между людьми. Таким образом, ценности состояния делятся на две группы: формы организации одного "Я" (личность) и многих "Я" (судьба).

В отношении другого полюса переживания человека – жизни – Федор Степун рассматривает и само творчество. Творчество как целестремительная рефлексия характеризуется субъект-объектным дуализмом. Жизнь, в свою очередь, определяется категорией положительного всеединства, не как синтеза, а как первичной целостности и полноты, непостижимого, мистического начала, трансцендентальной идеи.

Переживание, устремленное к жизни, преисполняется ею, но при этом не в силах ничего постичь, а, устремляясь к познанию, напротив, "как бы стремится навстречу всем родам постижения, раскалывается на многие части, из которых каждая оказывается в состоянии стать в положение субъекта, постигающего все остальные части его как данные объекты" (Степун, 2000в), но при этом отпадает от жизни и утрачивает единство.

Поэтому все формы творчества, а с ними и вся культура, не могут быть утверждены сами в себе, а лишь в своем отношении к сфере человеческой жизни, в своем стремлении постичь непостижимое. "Но разве то, что живет своим отношением к абсолютному, может быть названо относительным, и разве можно для сферы творчества, которая по всему своему существу есть не что иное, как сама жизнь, явленная в отношении субъекта к объекту, требовать еще какой-либо абсолютности, кроме абсолютности отношения к абсолютному?" (Степун, 2000в).

Степун, полагая переживание жизни выше, глубже и значительнее, чем переживание творчества, более того, утверждая переживание жизни предельно глубоким, определяет его как "религиозное переживание Бога" (Степун, 2000в), а религиозность – как сущность переживания жизни. Переживание же творчества оказывается попыткой познания Бога, но при этом и отпадения от него.

Анализируя в связи с этим специфику различных форм творчества, Степун неизбежно приходит к выводу, что каждая ценность в каком-либо своем аспекте является выражением жизни, а в ином – обнаруживает стремление к смерти, к выходу за свои пределы и самоуничтожению.

Научно-гносеологические ценности бесконечностью своего развития указывают на бесконечную полноту жизни, однако в разъединенности формы и содержания отпадают от нее, вступают в противоречие с положительным всеединством жизни. В своем стремлении преодолеть этот разрыв и обрести абсолютную истину наука стремится преодолеть самое себя и слиться с искусством. Искусство неразрывностью формы и содержания утверждает абсолютное всеединство жизни, но замкнутость и ограниченность каждого произведения искусства отвергает бесконечность жизни, ее "признание всего во всем" (Степун, 2000в), не дает признать весь мир единственным подлинным шедевром.

Ценности состояния отпадают от положительного всеединства и абсолютной полноты жизни в меньшей степени, чем ценности положения. Степун неоднократно подчеркивает родство личности и художественного произведения, поскольку в основе и того, и другого положено свойство целостности, единства формы и содержания. Эта идея эстетизации личности проходит сквозь все наследие Степуна как философское, так и литературное. Например, в статье "Природа актерской души" (1923), посвященной театру, Степун явно сближает понятия подлинного актера и подлинной личности: "Говоря об артистическом творчестве, об артисте-творце, я имею в виду не строителей художественной культуры, но строителей собственной жизни, зодчих собственной души" (Степун, 2000г).

Однако личность соединяет в себе и тот полюс отношения к жизни, который характерен для произведения искусства, и жизненность научного положения, то есть способность не замыкаться в себе, а творчески вступать в единство с другими людьми. Таким образом, ценности состояния стоят в иерархии выше ценностей положения. Однако отпадение личности и человечества от жизни все равно обнаруживает себя в смертности человека и его несвободе в рамках судьбы.

Итак, чем дальше человек заходит в творчестве, тем дальше он отстоит от Бога. "Первый этап отпадения от жизни означает для человека осознание себя как творения. Второй этап означает уже творческое самоутверждение себя как творения, т. е. утверждение себя как творца" (Степун, 2000б). Здесь само собою напрашивается истолкование творчества как дела греховного и богоборческого. Однако это совершенно не так, поскольку творчество как отпадение человека от Бога является непосредственным свидетельством уже свершившегося его единения с Ним: "...мистик, не ведающий разлуки с Богом, мистик, не чувствующий всем своим существом присужденности к творчеству, был бы уже не мистиком, но самим Богом. Творить и быть мистиком, т. е. богоисполненным человеком, есть по существу одно и то же. А потому рассматривать творчество как богоборчество и грех значит вменять человеку в вину его религиозную, его мистическую, его человеческую природу" (Степун, 2000б). Таким образом, творчество положено человеку Богом в его природу, и дело творчества есть подлинное призвание человека, его задача перед Богом. Грехом и богоборчеством, следовательно, должно признать восставание против творчества, его отвергание человеком.

При этом остается очевидным, что полюса жизни и творчества отнюдь не равновелики, что, отпадая от полюса жизни, душа "опускается с своих последних вершин" (Степун, 2000б). Человек своим творчеством свидетельствует о жизни, пытается достичь ее, но не достигает. И в этом состоит трагедия всякого творчества: "Возможна только жизнь в Боге, но навеки трагически неосуществима мысль о религиозной культуре. Бессмысленна потому, что всякий творческий акт есть неминуемо разрушение синтетической целостности души, т.е. ее религиозной природы. Если есть вообще религиозное дело, то это дело не от мира сего, и если есть религиозность как предметная ценность, то она мыслима только за пределами мира, нам данного" (Степун, 2000е).

Человек, таким образом, пребывает в состоянии трагической, противоречивой полярной напряженности, разрываясь между единением с Богом и выполнением своей творческой миссии. Степун особенно ярко показывает это в статье "Трагедия мистического сознания" (1912) на примере учения Эккехарта (Майстера Экхарта). Мистическое учение Экхарта противоречиво и антиномично, оно, с одной стороны, утверждает в качестве идеала святости добродетель "отъединенности" (Abgeschiedenheit), когда душа человека полностью успокаивается, сливаясь с Богом и обожествляясь сама, утрачивает собственные границы и способность к какой-либо, пусть даже и богоугодной, активности. А с другой стороны, в своих проповедях Майстер Экхарт требует от человека добрых дел и негодует на безразличие некоторых святых к земным трудам. "Так непоследовательным признанием творчества утверждает Эккехарт ту истину, что религиозная жизнь человека, взятая в целом, возможна

только как бесконечность тоски, но не как успокоение в бесконечности. Бог хочет пребывать вне человека, хочет, чтобы о нем тосковали и вздыхали" (Степун, 2000д).

Противоречие между стремлением человека к Богу и его творческим призванием кажется неразрешимым. Божественная природа человека не находит своего воплощения в его творениях. Человек на пути творчества ищет встречи с Жизнью, но на этих путях эта встреча невозможна. Как невозможен и отказ от творчества, так как отказаться человеку от творчества значит поправить свою природу, положенную Богом. Тем не менее, утверждать, что Бог и Жизнь содержатся в творении человека, значит исказить образ Бога и навеки утратить Его.

Таким образом, согласно Степуну, человек должен пройти свой жизненный путь до конца, исчерпать его и только так отказаться от него. В этом суть, смысл творчества. Оправдание творчества Степун видит в своеобразном изречении: "Религиозная правда всякого творения заключается не в том, что оно утверждает, что Бог в нем, но лишь в том, что оно видит и знает, что там, где оно стоит, Бога нет" (Степун, 2000б). Творить человеку следует, осознавая, что творения его суть пустые формы, идолы, а не изображения живого Божественного лика. Таким образом, творчество уничтожается само собой, своим творческим исполнением. И в этом случае отказ от всякого творчества, отхождение человека от всяких творческих форм есть последнее назначение человека и достижение им абсолютной святости. Реальные итоги этих игр мы видим на примере героя романа "Николай Переслегин" (1929).

Для Степуна искусство, творчество, деяние равно любви. Любовь для него есть некая религиозная вершина глубочайшего искусства, имя которому жизнь. Полюбить другого, объясняет Николай своей возлюбленной Наталье в романе "Николай Переслегин" – "разве это не значит избавить друг друга от всего случайного и бесформенного, пластически обрести строгий ритуал в жизни, стать друг другу материалом и формой". Чем не работа мастера по дереву, или живописца по холсту, или скульптора по камню! Истинная любовь, по Степуну, – это своеобразный "вклад в дарохранилище мира", подарок истинного творца.

Как и герой его романа, Степун – реалист, можно сказать больше, протестант, часто педантичный и прагматичный. Даже любовь для него – прежде всего искусство. Кроме вдохновения, она требует "умного расчета и умелого мастерства". Да и не только любовь – вся человеческая жизнь должна быть построена на "страстном отрицании в подходе к ней того дилетантизма, на котором она обыкновенно строится". Одним словом, в мире людей, где всё, по мысли главного героя романа, состоит из "борьбы, воли и труда", любовь не должна оставаться какой-то "глупенькою незабудкой, растущей у счастливо журчащего ручейка", ибо она тоже труд.

5. Заключение

Будучи православной по своим духовным истокам, русская философия в своем содержании вся антропологична, ибо обращена в первую очередь к душе человека. Бог и человек, смысл истории, добро и зло – все это важнейшие темы для философии. Она менее всего озабочена тем, как подчинить окружающий мир. Главной проблемой ее считается усовершенствование человека. Русская философия всегда призывала человека к подвижничеству и поиску правды, к самосовершенствованию и самоисканию в обретении высокой нравственности, выраженной в совести. Степуну суждено было стать ярчайшим выразителем данной проблемы. Он с удивительной точностью описал "внутреннюю икону" русского человека, Руси и России.

Литература

- Зеньковский В.В. История русской философии. М., Академический Проект, Раритет, 880 с., 2001.
Степун Ф.А. Дух, лицо и стиль русской культуры. Сочинения. М., РОССПЭН, 1000 с., 2000а.
Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Там же, 1000 с., 2000б.
Степун Ф.А. Мысли о России. Там же, 1000 с., 2000в.
Степун Ф.А. Николай Переслегин. М., "Водолей", 224 с., 1997.
Степун Ф.А. Природа актерской души. Сочинения. М., РОССПЭН, 1000 с., 2000г.
Степун Ф.А. Трагедия мистического сознания. Там же, 1000 с., 2000д.
Степун Ф.А. Трагедия творчества. Там же, 1000 с., 2000е.
Штаммлер А.В. Ф.А. Степун. В кн.: Русская философско-религиозная мысль XX в. Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 330 с., 1975.
Яковенко Б.Н. История русской философии. М., Республика, 510 с., 2003.